

Г.Г. Старикова

Харківський національний університет радіоелектроніки,
к. філос. н., доц. каф. філософії

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена ряду аспектов проблемы идентичности в современной философии. Рассматривается история развития проблемы личностной идентичности в психологии и философии, а также становление когнитивного аспекта этой проблемы. Вводится понятие когнитивной идентичности, анализируется ее структура и особенности функционирования.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, кризис идентичности, когнитивная идентичность.

Г.Г. Старикова

КОГНІВНІ АСПЕКТИ ОСОБИСТІСНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ

Статтю присвячено деяким аспектам проблеми ідентичності у сучасній філософії. Розглядається історія розвитку проблеми особистісної ідентичності у психології та філософії, а також становлення когнітивного аспекту цієї проблеми. Надається поняття когнітивної ідентичності, аналізується її структура та особливості функціонування.

Ключові слова: ідентичність, ідентифікація, криза ідентичності, когнітивна ідентичність.

G. Starikova

THE COGNITIVE ASPECTS OF PERSONAL IDENTIFICATION

The article is devoted to some aspects the problem of identification in the modern philosophy. The history of the problem of personal identification in physiology and philosophy were distinguished; also the formation of cognitive aspects of this problem was distinguished. The conception of cognitive identification is given there; also it's structure and specialty of functions is analyzed".

Key words: identification, the crisis of identification, cognitive identification.

Проблема идентичности для современного человечества становится весьма значительной и актуальной. Она не только занимает важное место в научных исследованиях самых разных специалистов – от теоретической философии до прикладной социологии или психиатрии. Охвативший весь мир, все стороны жизнедеятельности человека кризис идентичности может стать и периодически становится причиной тяжелых социальных конфликтов, критических ситуаций в международной политике, с одной стороны, и источником личных катастроф, проблем и трагедий, с другой. Кризис идентичности во всем мире связан с распространением культуры постмодерна, информационной экономики, глобальной политики. Поиск жизненного смысла, обретение своего, а не навязанного Я – сложная задача в повседневной действительности, еще более трудная в интерпретации социальных наук. Можно утверждать, что **актуальность** исследований проблемы идентичности имеет свои истоки как в реальных социально-политических трансформациях, происходящих в современном обществе, так и в углублении самосознания современного человека, во все возрастающем интересе к своей собственной сущности и перспективам ее совершенствования.

Цель данной статьи – рассмотрение одного из аспектов проблемы личностной идентичности, связанного со спецификой познавательной деятельности человека и его самоидентификацией в процессе этой деятельности.

Если проследить проблему идентичности в историческом аспекте, то следует отметить, что исторически первой формой идентичности была идентичность социальная – «К какой группе (племени, слою, классу) я принадлежу?». От этого зависела абсолютно вся жизнь человека – его одежда и обувь, правила его поведения (допустимое, недопустимое и недозволенное), его настоящее и будущее, в том числе и в личном плане (возможность жениться/выйти замуж, право иметь детей и их количество и т.п.). В последние столетия в западной цивилизации особую актуальность приобрела идентичность личная, индивидуальная – «Кто я? Чем Я отличаюсь от других?». Ответ на этот вопрос, при наличии относительной свободы социального выбора в обществе, давал человеку возможность самостоятельно определять свои жизненные цели, средства и способы их достижения, решать, что возможно, а что нет, что допустимо, а что нет (поскольку рамки социальных норм стали существенно шире, нежели в предыдущем случае). В современной ситуации становления информационного общества особую роль и особую важность приобретают не просто личностные качества человека, а такие его конкретные способности, как умение получать, обрабатывать, хранить, использовать и передавать информацию, интеллектуально-креативные свойства и т.д. Поэтому актуальным становится вопрос «Как я мыслю? Как я работаю с информацией, почему именно так и как научиться работать лучше (эффективнее, быстрее, продуктивнее)?». В связи с появлением этих проблем изучение когнитивной сферы человека приобретает особую важность. Мы считаем, что в ряду относящихся к этой сфере проблем не последнее место занимает проблема, условно названная «когнитивной идентичностью». Следует заметить, что этот аспект проблемы пока не привлек внимания серьезных исследователей.

В философских исследованиях проблема идентичности имеет долгую историю, хотя сам термин появился сравнительно недавно. В западной философии, начиная с Аристотеля, понятие идентичности является, по сути, *всеохватывающим*. В своей сущности оно обозначает тождество (чего бы то ни было с чем бы то ни было). В традиции метафизики от античности до наших дней идентичность есть характеристика бытия, более фундаментальная, чем различие. Хайдеггер, как и греки, на которых он непосредственно опирается, понимает под идентичностью *всеобщность* бытия. Всякое сущее тождественно самому себе и – постольку, поскольку оно есть сущее – всякому другому сущему [1, с. 44]. Это, кстати, один из весьма спорных моментов в

современной интерпретации понятия идентичности, которое не только подверглось модификации, но и значительному сужению и конкретизации своего содержания. Так, с точки зрения «классического» понимания идентичности в концепции, например, Платона, то личная идентичность вообще невозможна, поскольку человек в этом мире не может быть тождественен, т.е. не идентичен сам себе, так как состоит из частей, постоянно изменяется, имеет начало и конец как в пространстве, так и во времени, и т.д. Можно предположить, что в процессе развития философии и науки происходит трансформация понятия, как это часто случалось и ранее. В данном случае – понятия идентичности, которое перестает обозначать нечто абсолютно тождественное (или самотождественное) и подразумевает лишь включенность данного элемента в некую определенную целостность – нацию, семью, расу, профессию.

В социально-гуманитарных науках – культурной антропологии, социологии, социальной психологии – проблематика идентичности в философски релевантном виде разрабатывалась Джорджем Мидом и Чарльзом Кули, которые, однако, самого термина «идентичность» не употребляли, используя традиционное понятие «самости» (Self). Мид показал, что идентичность – изначально социальное образование; индивид видит, а затем и формирует себя таким, каким его видят другие. То есть личная целостность, «самость» не есть а priori человеческого поведения, она складывается из свойств, продуцируемых в ходе социального взаимодействия.

Кули в этой связи выдвигает концепт «зеркальной самости». При таком подходе «Я-идентичность» и «Другой» неотделимы друг от друга. Работы Мида и Кули легли в основу концепции символического интеракционизма, в котором Я-идентичность (в современной терминологии – Я-концепция) рассматривается и как результат социальной интеракции, и как фактор, обуславливающий социальную интеракцию. Также они дали толчок разработке «теории ролей» (Р. Тернет, Х. Беккер), в которой особенно острым становится вопрос: если то, что называют «индивидом», или Я, представляет собой, по сути, совокупность определенных ролей, то о какой идентичности можно вообще говорить? Иными словами, у индивида *не одна, а несколько идентичностей*. Но тем самым перед социально-философской теорией встает проблема: как привести «идентичность» в тождеству с самой собой? Как идентифицировать «ее саму» со множеством идентичностей, и возможно ли это вообще? [2, с. 12]

Наряду с понятиями роли и социализации парадигматическое значение в социологических исследованиях по данной проблематике имело введенное Робертом Мертоном понятие «референтной группы»: идентичность индивида складывается в результате его самоотнесения с коллективом, являющимся для данного индивида значимым.

Необходимо заметить, что в подавляющем большинстве современных научно-философских публикаций термин «идентичность» подразумевает идентичность национальную, этническую, культурную (иными словами, коллективную, социально-политически понимаемую). Идентичность как самотождественность, самосознание, самонаблюдение и самоконтроль остаются «частным» интересом психологической науки. Однако обозначенная нами проблематика в большей мере связана с личностным, а не социальным аспектом идентичности [1, с. 43].

Первоначально в психологии и психиатрии термин «идентичность» не использовался, хотя аналогичная проблематика исследовалась достаточно активно. С появлением психоанализа происходит изменение в трактовке понятия идентичность. Если до Фрейда речь шла о том, как отделить подлинное содержание личности от неподлинного, наносного (таков пафос и философии существования, и экзистенциально-феноменологической герменевтики, и марксистской борьбы с «отчуждением» и «превращенными формами» сознания), то в психоанализе ситуация

принципиально меняется: речь идет не о сокрытой, а о скрывающейся идентичности. Причем скрывающейся не только от других, но и от себя. Наше истинное Я, т.е. собственно идентичность, ускользает от схватывания, не хочет быть обнаруженным. В результате получается, что наше *Я строится из иллюзий относительно себя самого*.

Психологические аспекты проблематики идентичности интенсивно разрабатываются в постфрейдистском психоанализе, в частности, в исследованиях Лакана. Речь идет о складывании индивидуальности как *возможного* целого (которое вовсе не обязательно должно сложиться). То, что философы обозначают в качестве «самости» или «субъективности», отнюдь не представляет собой некоей естественной данности или само собой разумеющейся сущности. Как показали наблюдения за развитием младенца, человеческий детеныш в возрасте до 6 месяцев вообще не является психическим целым [1, с. 46]. Он представляет собой «фрагментированное тело». Период между полугодом и полтора годами Лакан называет «зеркальной стадией». Формирование Я, или «личности», или персональной идентичности, т.е. связывание разрозненных впечатлений в «трансцендентальное единство апперцепции» есть результат отождествления ребенка с тем объектом, с которым он коммуницирует (в обычных случаях – с телом матери). Наконец, в возрасте от 18 месяцев до трех лет ребенок проходит «эдипальную стадию» – через освоение языка он научается *символическому опосредованию* собственных влечений.

На основании анализа этих данных можно с уверенностью предположить, что личностное развитие, в данном случае – формирование самоидентичности (самосознания, самоконтроля и т.п.), – непосредственным образом связано с формированием и развитием когнитивных, познавательных, интеллектуальных способностей ребенка. В процессе освоения языка, с помощью «называния» предметы «отделяются» один от другого, и важным этапом становится отделение слова-предмета Я от всех других окружающих его людей. На основании этих рассуждений можно провести аналогию с концепцией интеллектуального развития, разработанной Я. Гальпериним. Этапы развития мышления вполне сопоставимы с этапами первичного формирования личности (и идентичности). Первый этап – наглядно-действенное мышление – совпадает по возрастным рамкам с уровнем телесно-организменного представления о себе и окружающем мире. Действия регулируются телом, его желаниями, информацией от различных органов, в том числе и от органов чувств. На втором этапе образного мышления осуществляется синтез разрозненных впечатлений в целостные образы – недаром у Лакана речь идет о «единстве апперцепции». Важно подчеркнуть, что синтез осуществляется в процессе непосредственной коммуникации, под осознанным или неосознанным руководством взрослого. Известно, что в случае отсутствия рядом с ребенком взрослого человека он формирует апперцепцию на основе общения с другими живыми существами, в результате чего и появляются «дети-Маугли». Понятийного представления о мире еще нет, но поведение и реакции организма уже контролируются более высоким уровнем «синтезированного восприятия». И, наконец, высший уровень – понятийное, абстрактно-логическое, вербальное мышление – это этап, на котором и формируется инструмент для символического опосредования как информации об окружающем мире (уровень собственно мышления), так и поведения, собственных желаний и мотивов (личностный уровень).

Введение термина «идентичность» в междисциплинарный обиход особенно тесно связано с работами Эриха Эриксона. Феномен, который интересовал его – переживание индивидом себя как целого, «длящееся внутренне равенство с собой», «непрерывность самопереживания индивида». Идентичность в эриксоновском смысле – это идентичность индивидуальная (она же личностная, персональная). Даже когда, применительно к индивиду, речь идет о социальной идентичности, имеют в виду

особое измерение индивида, которое в социальной и индивидуальной психологии обозначают как «социальное Я» (social me). Этот концепт ни в коем случае нельзя смешивать с так называемой коллективной идентичностью. (Иначе возникает гипостазирование – со времен Канта так называют ситуацию, когда предмет мыслимого принимается за предмет сам по себе, или, выражаясь жестче, мысль превращается в вещь). Э. Эриксон оперирует понятием **психосоциальной идентичности**, которую он определяет как «чувство непрерывной самоидентичности», которое базируется на принятии личностью целостного образа своего Я в единстве с многообразными социальными связями [3, с.85].

Упомянутый выше психоаналитик Ж. Лакан возражает против возможности того, что субъективность может быть сведена к единому Я. Он считает, что человек никогда не тождественен какому-либо своему атрибуту, и его Я никогда не может быть определено, поскольку всегда находится в поисках самого себя. Это происходит по причине того, что в основе психики лежит бессознательное, которое всеми силами препятствует процедуре обретения личностью стабильной Я-идентичности. Лакановская концепция представляет человека не как целостный неделимый субъект, а как фрагментированную, разорванную сущность. Однако следует заметить, что эта фрагментированность идентичности лишь подтверждает наличие множества Я-образов, тогда как идентичность представляет собой чувство последовательности психической жизни индивида и связанности Я-образов в структуре человеческого Я.

Человеческое Я является сложносоставной системой, в которой сочетается множество Я-образов, каждый из которых отображает особенности нашего поведения, фокуса познавательной деятельности, специфику психических реакций в различных ситуациях социального взаимодействия. Поэтому, говоря об идентичности, необходимо помнить, что она является результатом осуществления идентификации. Именно идентификация является процессом определения индивидом самого себя, процессом построения идентичности. Основы идентификации могут быть различными – каждый Я-образ предполагает идентификацию по какому-либо одному основополагающему признаку. Таким образом, проблема идентификации и идентичности всегда связана с проблемой возможности существования единого, последовательного Я человека, сочетающего различные Я-образы.

Исследователи полагают, что в современной философии понятие Я имеет три основных плана: эпистемологический (Я как центр познания), психологический (Я как самость) и социальный (Я как самопрезентация). [2, с. 95]. Еще со времен Декарта считалось, что эпистемологическая идентичность очевидна для субъекта – Я мыслю, следовательно, Я существую. У современных исследователей на уровне неявных предпосылок существует та же уверенность, что эпистемологическое Я не вызывает существенных затруднений в смысле идентификации (мы не сомневаемся, кому мы приписываем наше познание – познаю именно Я), в отличие от психологического и социального планов, где проблема является одной из важнейших, особенно в условиях современного общества. Однако нам ситуация с эпистемологическим (по нашей терминологии – когнитивным) Я представляется не столь очевидной. Действительно, если рассматривать познание как одну из форм самореализации личности, то логично будет предположить, что для каждой формы личностной самореализации существует свой собственный аспект идентичности и собственный, специфический процесс самоидентификации.

Вводя понятие «когнитивной идентичности», мы можем следующим образом представить ее структурные взаимоотношения с психологической (индивидуальной) идентичностью. Я как самость (Я-концепция) может рассматриваться в качестве интегративной структуры по отношению к феномену когнитивного самосознания, которое, в свою очередь, можно считать элементом единой целостности, обозначаемой

нами как личностная идентичность. Во-первых, само человеческое мышление диалогично, поэтому одна часть Я задает вопрос, другая – отвечает. Кроме того, мыслящий человек всегда сомневается, но – если идентичность сомневается, является ли она идентичностью, или, иными словами, тождественностью? Сразу необходимо подчеркнуть, что идентичность – это не стабильное, стационарное и т.п. состояние, а постоянный процесс осуществления и пересмотра идентификации. Осуществляя идентификацию, индивид, в случае с «интеллектуальной» идентичностью, сравнивает полученную информацию со своими критериями и решает, делать ли эту информацию частью себя. Подчеркиваем, не частью своей личности, а частью своей ментальности. В связи с этим интересно было бы проанализировать когнитивные составляющие такой «матрицы», осуществляющей отбор информации. Необходимо подчеркнуть, что интеллектуальная составляющая включает в себя не только сознательный фрагмент, вербально-понятийную часть, но и все остальные компоненты познавательного процесса и познавательные способности. Вероятно, на процесс идентификации значительное воздействие может оказать ценностный компонент личности, интеллектуально-эмоциональные предпочтения. Также может «включиться» в отбор бессознательная составляющая – в виде устойчивых когнитивных стереотипов и т.п.

Само явление когнитивной идентичности связано с понятием рефлексии, понимаемой как «мышление о мышлении». Следует заметить, что любая идентичность, как и другие психические феномены, возникает только в случае необходимости. Иными словами, «спрос рождает предложение» – для формирования какого-либо психического свойства (умения, навыка и т.п.) необходимо возникновение у индивида потребности в этом умении. Личностная идентичность (самость и т.п.) начинает свое формирование в достаточно раннем возрасте, поскольку этого требует окружающая социальная среда. Чтобы соответствовать ее требованиям, ребенку необходимо сформировать хотя бы первичное, базовое представление о собственной личности, ее ценностях, предпочтениях (желаниях) и особенностях. Слыша с детства формулировки «Как тебе не стыдно» и т.п., ребенок осваивает самоконтроль, для которого, в свою очередь, необходимо наличие простейшей Я-концепции. В течение всей жизни самосознание остается важной составляющей частью существования личности. Несколько иная ситуация с когнитивным самосознанием (идентичностью). Прежде всего, и с психологической точки зрения это исходный момент, для формирования этого вида идентичности необходимо существование осознанной потребности в рефлексии. Данная способность и сейчас необходима очень ограниченному кругу людей, она важна преимущественно для тех, кто профессионально занимается интеллектуальной деятельностью и чьи профессиональные успехи или неудачи непосредственно зависят от умения управлять своей интеллектуальной деятельностью.

Попробуем проанализировать особенности формирования структуры и функционирования системы когнитивной идентичности. По аналогии с личной идентичностью можно предположить, что как первоначальный стимул, так и требования, «нормативы» по формированию этого вида идентичности поступают к индивиду извне, от окружающего сообщества. Можно предположить, что начало этот процесс берет в период освоения родного языка, когда «присваиваются» базовые, первичные когнитивные представления о мире, других людях и о себе. Однако, осваивая способ мышления на родном языке, ребенок автоматически осваивает базовые приемы мышления вообще, мышления как такового (имеется в виду специфически человеческая форма мышления – абстрактно-логическое понятийное мышление). Собственные способы мышления индивид интуитивно отождествляет с общепринятыми в данном обществе, с теми, которым его научили родители, школа, ближайший социум. У него, как правило, не возникает необходимости задуматься и проанализировать, как же он мыслит. Впрочем, такие задачи иногда являются

необходимой составляющей так называемых развивающих систем обучения. Там, совместно с преподавателем, дети учатся отвечать на вопрос, как я решал эту задачу; почему я выбрал именно такой ход решения; почему я использовал именно эти, а не другие, похожие аргументы; чем мое доказательство лучше (правильнее, точнее) других; какие возможны способы рассуждений при решении подобных задач, какие из них предпочитаю я и почему и т.п. Однако такой способ обучения встречается исключительно редко. В результате далеко не у всех детей, даже обучавшихся по «развивающей методике», формируется представление о собственном стиле мышления, понимание того, как именно я мыслю и что нужно сделать, чтобы мыслить «лучше».

Изучить уже сформированную когнитивная идентичность, ее базовые предпосылки и особенности функционирования, возможно, проще, чем исследовать, например, бессознательное, поскольку сами «носители» идентичности сформировали ее осознанно, понимали, что делают и, соответственно, смогут хотя бы частично вербализовать этот процесс. Однако подобные исследования в науке пока не проводились, поэтому возможно лишь выдвижение более-менее правдоподобных гипотез о структуре когнитивной идентичности. Очевидно, сюда включены определенные знания, как общетеоретического, так и личностного характера; комплекс эмоций, связанных с когнитивными процессами, причем эмоций максимально осознанных. Кроме того, неизбежной составляющей являются устойчивые когнитивные стереотипы, интеллектуальные «фреймы», неосознаваемые шаблоны мышления, заложенные в родном языке, а также базирующаяся на них исходная, постулативная «картина мира», из которой, собственно, и вырастает как сама личность, так и формы ее познавательной деятельности. Однако все эти гипотетические предположения требуют скрупулезной, детальной и глубокой проверки как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях. Поэтому мы ограничимся в представленной статье формулировкой данной гипотезы и перспективами для дальнейшего изучения проблемы.

На основании проведенного анализа можно сделать ряд существенных **выводов**. Проблема когнитивной идентичности не является столь очевидной, как это представлялось в классической философии. Осуществляемый конкретной личностью, процесс когнитивной идентификации, с одной стороны, непосредственно зависит от общей личной идентичности данного субъекта, а, с другой стороны, он же самым прямым образом воздействует на Я-концепцию и способен спровоцировать ее трансформацию. Возможно, кстати, что именно такой процесс происходит в ходе взросления подростка – по мере накопления знаний о мире и о себе он по-иному начинает оценивать себя, т.е. изменяет свою Я-концепцию. Когнитивная идентичность, как и любая другая форма идентичности, имеет свою структуру и особенности функционирования, однако эта проблема находится пока на начальной стадии своего исследования. Поэтому можно лишь предположить, что изучение такого аспекта личной идентичности, как когнитивная идентичность, внесет существенный вклад как в психологическое, так и в общепсихологическое понимание проблемы человека.

Перечень ссылок:

1. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью [Текст] / Малахов В.С. // Вопросы философии. – 1998. – №2. – с.43 – 53.
2. Труфанова Е.О. Идентичность и Я [Текст] / Труфанова Е.О. // Вопросы философии. – 2008. – №7. – с. 95 – 105.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис [Текст] / Эриксон Э. – М.: Логос, 1996. – 216 с.